

Электронное или бумажное? Специфика реализации практик чтения студентами и научными работниками¹

DOI: 10.19181/inter.2020.12.4.5

Ссылка для цитирования:

Чудова И. А. Электронное или бумажное? Специфика реализации практик чтения студентами и научными работниками // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12. № 4. С. 53–72. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.4.5>

For citation:

Chudova I. A. (2020) Electronic or Printed? Peculiarities of Reading Practices of Students and Researchers. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 12. No. 4. P. 53–72. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.4.5>

Ирина Чудова*

В статье рассмотрены два способа реализации практики чтения учебной и профессиональной литературы — с электронных и бумажных носителей. В тексте приведены основания предпочтений чтения с экрана и бумажных текстов, раскрыты особенности реализации практик чтения и их восприятия в контексте обучения и научной работы с уточнением различий для разных ступеней в академической и научной среде, отдельно для студентов и для преподавателей и научных сотрудников. Описаны фактические возможности и инструментальные ориентиры, характерные для преобладающего в настоящее время экранного чтения, и значение, которое имеет чтение бумажных текстов для студентов (эстетические и кинестетические побуждения) и научных сотрудников (сакрализация книги, создание домашней библиотеки).

Ключевые слова: практики учебного и профессионального чтения; электронный и бумажный носитель; работа с текстом; гибридизация практик; сакрализация книги; быстрое и медленное чтение

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 19–011–00420 «Дифференциация практик учебного и профессионального чтения в научно-образовательной среде».

* Чудова Ирина — кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии, Новосибирский государственный университет, dauza@mail.ru.

Современные практики чтения отличает альтернативность способов реализации. Традиционному «пуристическому» пониманию чтения как чтения с бумаги (printed) возникает множество технологически более современных альтернатив (Tarulli, 2014: 299), электронные носители становятся все более распространенными, а случаи предпочтения бумажных текстов, приобретающие сегодня привкус «ретро», получают свои специфические обоснования. В фокусе нашего исследования — учебное студенческое и профессиональное научное чтение, которое реализуется во множестве вариаций: с экрана компьютера, ноутбука, телефона, планшета, а также как и прежде — в обращении к бумажным книгам и журналам. Перед сегодняшним читателем встает множество текстовых носителей, и для него нередко возникает выбор способа чтения, основу которого составляет дилемма электронное/бумажное.

В изучении чтения отмечают происходящие трансформации его характера, содержания и функции. Трансформацию связывают прежде всего с компьютеризацией, распространением интернета и цифровых носителей, указывая на изменения в области производства текстов для чтения, средств хранения и передачи информации (Гудова, 2011: 103). Аналитики говорят о взрывных переменах, которые принесло экранное чтение, задающее «новое, оригинальное и ранее неизвестное отношение к тексту» (Кавалло, Шартье, 2008: 41). В масштабе истории цифровая эра привносит изменения в то, как организованы тексты, как они распространяются и читаются (Сметанникова, Белоколенко, 2012: 5). При явной новизне экранное чтение исторически преемственно, так как включает технику обращения с текстом-свитком, цифровым аналогом которому становится развертывающаяся лента электронного текста, и ориентацию по структурным меткам, что достается в наследие от так называемой книги-кодекса. В экранном чтении совмещаются элементы чтения свитка и кодекса в исторически третьем варианте (Мангель, 2020; Шартье, 2009).

Выбранный в данном исследовании ракурс изучения чтения в качестве повседневных практик позволяет описать, как реализуется чтение сейчас, в существующих повседневных привычках и индивидуальных выборах, при организации чтения. Изучение чтения в терминах практик в российском контексте позволяет внести свой вклад в понимание потенциала методологии практик, с учетом того, что западные исследователи чтения проработали присущие данному ракурсу вопросы — среди них правила и приемы чтения, способы чтения и интерпретации прочитанного (Кавалло, Шартье, 2008). Ракурс практик открывает разнообразие возможных и типичных целей обращения к текстам и с текстами (Tarulli, 2014: 297). Обозначенное как практики, чтение возможно рассматривать с точки зрения его переплетения с другими практиками, такими как написание собственных текстов, составление конспектов и т.д. Понятие практик позволяет учитывать и социокультурный масштаб видения чтения, когда практики чтения встроены в более широкие контексты постиндустриального общества, контексты постграмотности и цифровых технологий (Маклюэн, 2005).

В данной статье освещен фрагмент исследования дифференциации практик учебного и профессионального чтения, реализованного сотрудниками и студентами отделения социологии экономического факультета Новосибирского государственного университета (НГУ) в 2018–2020 гг. Сбор информации был осуществлен методом полуструктурированного интервью, всего проведено 50 интервью со студентами бакалавриата и магистратуры НГУ различных направлений обучения и 30 интервью с преподавателями НГУ и научными сотрудниками НИИ СО РАН в возрасте до 40 лет², дополнительно проведены три фокус-группы со студентами бакалавриата и магистратуры НГУ. В рамках исследования была поставлена задача выявить специфику выбора и реализации практик чтения с электронных и бумажных носителей на разных этапах становления профессионала, от студенчества к работе в академической среде. Отметим, что практики чтения понимаются в исследовании комплексно — как обращение с текстом, использование его в учебном и рабочем процессе.

У наших респондентов, сегодняшних студентов и научных сотрудников, выбор способа чтения в ряде случаев был предопределен ситуацией, но существенно то, что в горизонте их опыта присутствуют экранное и бумажное чтение, стало быть, разные способы чтения так или иначе становятся предметом выбора³. Попробуем далее раскрыть, каковы понимание и реализация экранного чтения, а также предшествующего и сопутствующего ему бумажного чтения на примере практик чтения в академической среде: среди студентов и научных работников в ситуациях обучения, проведения научных исследований и преподавания.

Чтение с экрана: скорость, доступность, «простота»

Безусловным преимуществом электронных текстов перед бумажными читатели считают скорость доступа к ним. В частности, это хорошо заметно в отношении научной периодики, которая представлена в большом количестве агрегированных баз данных, а университет или НИИ обеспечивает учащихся или сотрудников специальным доступом, если это требуется.

Интервьюер: Журналы, книги какие-то?

Респондент: Быстрее их найти в базах данных, они же все у нас доступны через НГУ или через институт. Просто берешь и читаешь сразу, записываешь, все под рукой (экономист, кандидат наук).

² Гайды интервью студентов и научных работников различались по содержанию с учетом рода деятельности (обучение или работа), но в каждом из них вопросы касались типичных ситуаций чтения, существующих вариаций поводов, мест, способов чтения и форматов текстов.

³ В данном тексте под способами чтения будет пониматься различие чтения с экрана электронного устройства (компьютера, ноутбука, смартфона, ридера и т.д.) и чтения бумажных текстов, книг-кодексов в терминах Р. Шартье (Шартье, 2006). Более подробное различие, в частности между электронными носителями, на данном этапе исследования не производилось.

Можно сказать, что электронные тексты становятся воплощенной формой современной науки, когда с получением печатных текстов через библиотеку ассоциируются прежде всего архивные и в силу этого редкие источники, а все актуальное размещено в интернете.

*«Сохраняется [обращение к бумажным книгам, заказанным в библиотеке] но, уже в меньшей степени и, по сути, это вот именно для написания такого классического исторического труда, вот, а **современные исследования, которые я делаю, они уже, получается, больше с использованием новых технологий, баз данных и либо баз публикаций...**»* (историк, кандидат наук).

Скорость как таковая обладает высочайшей значимостью в информационном обществе, задает стиль и характер современной деятельности, в том числе научной, когда «быстрое» и оперативное чтение оказывается необходимым навыком ученого, что информанты понимают, начиная со студенчества:

*«**Ты должен уметь читать много, читать быстро...** осознавая, что ты читаешь, умея **переработать это в текст свой собственный**, сложить какую-то картинку, ну, для **ученого**, по крайней мере, это точно абсолютно необходимый навык»* (биолог, 2 курс магистратуры).

Цифровые носители отличает высокая вместительность, и многие из них, будучи переносными, мобильны. На языке теории Э. Гидденса, тексты «откреплены» в пространстве и времени (Giddens, 1990), что опять же сопряжено с их доступностью. Все это сообщает чтению с экрана привлекательность — и в состоянии информационного изобилия такие носители оказываются оптимальными, вытесняя бумажные тексты для чтения по особым случаям.

Респондент: На бумажных, наверное, процентов 10. Не больше. Может быть, даже немножко меньше.

Интервьюер: То есть все остальное Вы читаете с экрана?

*Р.: Просто потому что **он под рукой, в телефон вмещается больше книг, чем в мою сумку** [смеется] (экономист, кандидат наук).*

В попытке сопоставить практики чтения по используемому носителю в группах студенчества и научных сотрудников обратимся к систематизации их суждений на этот счет. Анализ высказываний студентов обнаруживает интересную особенность: преимущества электронных носителей студентами очерчиваются подробно, с акцентом на их несомненном перевесе, тогда как ученые рассуждают о двух вариантах носителей, электронном и бумажном, в сравнении, подчеркивая различия и значимость каждого из способов чтения.

Студентами практики учебного чтения, по всей видимости, воспринимаются в качестве составляющей метапрактики пользования интернетом,

задающей способ существования в современном информационном обществе. Представление о том, что фактически любой текст доступен онлайн (а если он не доступен, то доступен некий его аналог по интересующей тематике), становится для студентов сегодняшнего дня повсеместным:

*«Я знаю, что я могу **любую** книгу — легально, нелегально, — но найти в интернете»* (социолог, магистратура).

Подчеркнем, что предпочтение электронного носителя для чтения описывается студентами всегда с использованием прагматического словаря, в терминах все той же доступности и скорости. В их репликах речь идет не столько о чтении как таковом, сколько об использовании текста в тех или иных целях. Так, неоднократно упоминается удобство обращения к электронному тексту во время занятия:

*«В электронном варианте, потому что так **быстрее** по ключевым словам найти, потому что **в учебнике нет такой полезной функции, как Ctrl + F, не можешь так быстро искать»*** (филолог, 3 курс, фокус-группа).

*«Для **подглядывания** удобнее телефон и ноутбук, в зависимости от того, что мы делаем. Если где-то на паре, проще на телефоне, если дома, так с компьютера почитать»* (математик, 2 курс).

Одной из существенных примет чтения с экрана студенты называют «простоту», подразумевающую доступность, скорость, мобильность: тексты на электронном носителе находятся под рукой в любой момент, и это имеет своим эффектом столь привлекательную для студентов минимизацию физических усилий для достижения текста.

*«Чаще всего это электронные, в виду того, что это **быстро и легко найти, не нужно куда-то идти»*** (юрист, 3 курс).

*«Если это бумажная книга, ее нужно носить с собой, потому что а вдруг вот у меня появилось время, я могу почитать. С электронными носителями **все в разы проще**. Я понимаю, что вот у меня есть ссылка, она всегда в доступе, потому что программа есть в интернете, заходишь, по ссылке переходишь, вот тебе файл. **Он скачался, сидишь себе читаешь»*** (социолог, 4 курс).

Показательно, что в условиях «тотального» интернета даже электронный поиск, не отягощенный физическими перемещениями, может восприниматься студентом как специальное усилие. Можно сказать, что в целом студенты (особенно младших курсов) предпочитают предоставленные преподавателем готовые тексты самостоятельному поиску в интернете.

«[О списке литературы от преподавателя] там даже есть ссылки, **повезло, что он оставлял даже ссылки** на эти произведения, хотя обычно такого не бывало. Обычно **приходилось самому искать** все, что нужно, **вбивать** в гугле уже названия» (филолог, 2 курс).

Наиболее масштабным усилием по получению доступа к текстам становится для студентов поход в библиотеку, о чем часто они говорят с неудовольствием, как о вынужденном мероприятии. Очевидно, что такой вес усилию посещения библиотеки задает именно наличие доступных экранных текстов, и само по себе это во многом объясняет снижение частоты обращения к услугам библиотек со стороны не только студентов, но и научных работников.

«Ну а **зачем ходить туда далеко, если можно все взять в интернете**» (юрист, 4 курс).

Более взрослые читательские группы, как правило, имеют в своем опыте регулярные походы в библиотеку в прошлом и лишь в некоторых случаях — в настоящем. Высказывания про малую востребованность библиотеки сегодня позволяют судить о преобладании в группе ученых чтения с экрана, пусть и не столь явно манифестируемом, как у студентов.

Один из существенных признаков, отвечающих свойствам практик как концептуальной идеи и понятия, можно увидеть в описании удобства электронных источников. Это удобство на языке теоретиков практик описывается как гибридизация, она заключена в совместимости экранного чтения с рядом смежных практик, когда чтение перетекает в письмо и обратно, учебная активность типа конспектирования или устных ответов на занятия реализуется непосредственно за счет чтения и наряду с ним. Для ситуаций обучения эта особенность электронных источников имеет существенное значение.

«Да, я **выписываю**⁴ то, что мне нужно, порой текст бывает слишком обширный, чтобы во время семинара по нему **перебегать**⁵, поэтому я себе **выписываю что нужно**. Вот, и в этом **есть удобства электронного ресурса, потому что ты можешь оттуда копировать и это куда проще, чем переписывать, и легче напечатать маленькую выдержку, цитату конкретную...**» (историк, 4 курс).

Отметим, что практики чтения с экрана в корне меняют позицию читателя, превращая его в активного комбинатора текстов, читатель получает «право

⁴ Примечательно, что словоформа «выписываю» применена здесь в значении «копирую в отдельный файл», что иллюстрирует запаздывание языка по отношению к практикам.

⁵ Заметим, что информант использует слово «перебегать» при работе с текстом на занятии, что, на наш взгляд, передает специфику практик учебного чтения сразу в нескольких свойствах. Во-первых, это отсылает к скорости, быстрому перемещению по электронному тексту и соответствует упомянутой выше оперативности и фрагментарности как приметам экранного чтения. Во-вторых, в «перебегать» схвачена лагирующая активность студента — как в безбрежном пространстве онлайн-текстов, так и в отношениях «студент — преподаватель».

компоновать и разбивать на части текстовые единицы, которые он желает прочесть, и даже придать им внешний вид по собственному желанию» (Шартье, 2009). Радикальный взгляд на чтение с экрана предлагает в нем видеть не столько чтение, сколько создание собственного текста (Маркова, 2013: 13). Выходит, экранное чтение реализуется во многом именно как работа с текстом, и эта работа предполагает разное содержание для студентов и ученых. В учебном чтении работа с текстом означает в первую очередь создание опорных конспектов, информативных «нарезок», соединение различных фрагментов текстов с ориентацией на использование их в учебе, для ученых же работа связана прежде всего с созданием собственных текстов для публикаций. Конечно, это разделение условно, оно призвано подчеркнуть, что чем выше образовательная ступень, тем вероятнее восприятие электронного текста (и текста как такового) как инструмента и материала для создания публикации.

«Когда ты что-то читаешь, ты одновременно и пишешь; но можно писать в телефон, можно писать в тетрадку, можно писать в вордовский документ, да, а можно писать сразу себе в память. И хотелось бы научиться делать это более осознанно, профессионально, качественно...» (филолог, аспирантура).

Экранное чтение привлекает своей интерактивностью (Сметанникова, Белоколенко, 2012: 6), дает возможности различных вариантов манипуляций с текстами — например, фиксацию заметок в телефоне во время прочтения текста. При этом комбинации практик чтения и письма могут выходить за рамки операции с цифровым устройством. Возможны ситуации, когда конспекты прочитанного с экрана составляются студентом вручную — в качестве тактики запоминания. Преподаватели называли иной вариант комбинации практик — распечатку наиболее интересных текстов и последующую работу с ними как с бумажными⁶. Отметим, что обращение к бумаге при чтении и письме обосновывается как рациональными соображениями, так и привычкой. Подобное совмещение практик дает основания полагать, что чтение с бумаги не вытеснено экранным, но сочетается с ним.

Интервьюер: А почему делал конспекты?

*Респондент: Это потому что нужно представлять себе вот эти большие молекулы, **нужно научиться их запоминать рукой**, скажем так, чтобы они быстрее рисовались (биолог, 2 курс).*

*«Да, единственное что, **если совсем интересное**, и я понимаю, что это можно использовать, **то распечатываешь это**, выделяешь*

⁶ «Превращение» электронного текста в бумажный для работы с ним можно трактовать как способ адаптации нового формата к знакомому, что особенно важно для представителей эры кодекса. По Марковой, «электронный текст не осязаем, он визуален и становится чувственным при распечатывании его на бумаге, то есть при превращении из электронного в печатный» (Маркова, 2013: 7–8).

фломастером, шрифтом и так далее, для того чтобы это все-таки не потерялось. Ну, и складываешь в папочку» (социолог, кандидат наук).

Обобщая, отметим, что чтение с экрана, созвучное самой цифровой эпохе, отличаются скорость и «простота», удобство при создании собственных текстов, поэтому данный способ чтения явно преобладает как среди студентов, так и среди научных сотрудников. Однако более пристальное рассмотрение практик чтения позволяет обнаружить прецеденты «выхода» к бумаге в качестве дополнения экранного чтения.

Предпочтение «бумаги»: возможно ли?

Рассмотрим случаи предпочтения бумажных источников. В свете распространения электронных устройств они теряют популярность, но в то же время именно в условиях выбора способов чтения могут актуализироваться преимущества печатных текстов. При анализе сопредставленности в настоящем этих способов чтения исследователи констатируют состязание двух разных культур, кодекса и экрана, и заостряют их противостояние (Шартье, 2009; Кавалло, Шартье, 2008: 43). Утверждается, что экранное чтение будет теснить бумажное до того момента, пока последнее не займет свою собственную нишу (как, скажем, произошло с кино и театром) (Маклюэн, 2003: 197).

Для нас принципиально суждение, что «электронный текст ставит под вопрос само понятие “книга”» (Шартье, 2006: 232). Дело в том, что практика чтения с экрана имеет дело с текстами, размер которых неосязаем — в отличие от материальной конкретности бумажного издания, книги, и в этом смысле неочевиден для читателя. Ставший виртуальным, текст обретает особенную подвижность и пластичность, легко корректируется и меняет форму, но параллельно с этим размывается его определенность, утрачивается его законченность (Шартье, 2009). Фрагментарность в таком случае как свойство современности оказывается присуща как практикам чтения, обращения к текстам (*работы с текстами*), так и самим текстам. Остаются ли в таком случае поводы для чтения «бумаги»?

Обращение к бумажным источникам в процессе обучения зачастую предусмотрено программами курсов и библиотечной инфраструктурой, университет встречает первокурсников выдачей комплекта бумажных учебников, и лишь часть из них оказывается востребованной. В этой ситуации студентам вменяют опыт чтения бумажных учебников и методических пособий, и опыт «бумаги» не может считаться в полном смысле выбором, но представляет собой данность, ритуал посвящения в учебный процесс.

*«На первом-втором курсе нам в начале года говорили, что нам **нужно брать учебники**, я шла в библиотеку — брала учебники. Вот. В итоге **я посмотрела, что они у меня стоят на полке в общежитии, и я их не трогаю**»*

либо я ищу то же самое в электронном варианте» (филолог, 3 курс, фокус-группа).

В процессе обучения сохраняется институциональное влияние на способ чтения, транслируемое преподавателями, выдвинутыми ими требованиями и осуществляемым контролем. Неоднократно встречены случаи, когда преподаватели ориентируют студентов на совмещение, чтение как бумажных, так и электронных источников, вероятно, исходя из соображений удобства доступа и наличия материалов в бумажном виде. Итак, нельзя сказать, что студенты, обучаясь, не имеют выбора, с какого носителя читать, но этот выбор предопределен повсеместностью чтения с экрана и в некоторых случаях институциональным влиянием (в сторону чтения бумажных текстов). В таком случае инициативу обращения к бумаге в первую очередь резонно искать в среде ученых, преподавателей.

О том, что происходит выбор между способами чтения от ситуации к ситуации, свидетельствуют высказывания научных работников. Особенно интересен упомянутый в цитате ниже респондентом вариант «противопоставления» «желательное vs. удобное», показывающий, что оценка способов чтения производится в двух непересекающихся смысловых категориях и что обращение к бумажным текстам осуществляется не из прагматических соображений (!).

«Желательно бумажные, но, практически удобнее PDF-файл, есть волшебный инструмент Ctrl+ F, по которому я могу найти любую интересующую меня деталь текста, поиск по слову, да, загоняешь какой-нибудь термин, и по этому термину уже там смотришь и выбираешь, т.е. это чтение такими быстрыми фрагментами происходит. Бумажная, она удобнее, если ты с книгой хорошо знаком, если она принадлежит тебе лично и у тебя есть карандашные пометки, и ты ориентируешься внутри этой книги... у меня лежит бумажная книжка, она вся прочитана-перечитана, и она же лежит в формате PDF» (филолог, аспирантура).

Вероятно, предпочтение бумажных текстов обосновано тем, что чтение бумажных источников позволяет осуществить глубинное «вчитывание», тогда как электронные источники располагают к быстрому темпу реализации практики и соответствующему способу постижения текста. Приведенное выше высказывание показывает, что профессиональное чтение научных работников реализуется и как экранное, и как бумажное, и оно различается в зависимости от намерения читающего — написание собственных текстов или «осмысление». Профессиональное чтение словно бы распадается на регистры действия и мысли, на активность и рецептивность во время реализации практик чтения.

«Когда я пишу, я копирую цитаты с источника в электронном виде, чтобы так вот не переписывать, но когда мне нужно не переписывать,

а когда мне нужно переосмыслить, я вот обращаюсь к бумажному тексту» (филолог, аспирантура).

Исследователи практик чтения очертили эту разницу электронных и бумажных текстов через диапазон авторского участия: обозначить свое присутствие в бумажном издании можно весьма сжато, лишь на полях или на пустых листах книги, тогда как электронный текст с его возможностями вставлять комментарии, копировать и перемещать фрагменты намного более явно располагает к участию в тексте (Шартье, 2006: 33). Неслучайно одна из современных формулировок практики чтения звучит как взаимодействие с текстом во множестве форматов (Tarulli, 2014: 297). В то же время восприятие бумажной книги отличается особой целостностью, читатель преодолевает фрагментарность текста, ощущая текст в руках (Мангель, 2020: 180): стало быть, открывает лучшую возможность к его осмыслению. Аналитики характеризуют экранное чтение как освоение «бесконечной ткани текста», которая не схватывается восприятием как завершенное, в то время как чтение с бумаги, пусть и прерывное, позволяет ухватить целостную завершенность отдельного высказывания, воссозданную материально (Шартье, 2006: 225).

Электронные тексты и экранное чтение преобладают в повседневном обиходе ученых, когда речь идет о написании собственных публикаций, однако практически каждый респондент, занимающийся преподаванием, упоминает чтение (с) бумаги как непрременную часть подготовки к занятиям.

«Текст читаю, классически, у меня сохраняются эти навыки, которые еще появились в университете, когда я учился, то есть я читаю с карандашом, как правило, отмечаю, ну, поскольку книга моя, отмечаю важные для меня места, могу делать там с помощью стикеров какие-то закладки, вот и эти, так сказать, разделы потом остаются для меня важными с точки зрения повторения перед лекциями уже на следующий год и т.д.» (историк, кандидат наук).

Книга как предмет и идея, по всей видимости, наделяется учеными особым значением, что будет подробнее рассмотрено далее. Мы обнаруживаем, что бумажные тексты, как правило, не попадают в горизонт выбора студентов, но вмещаются им учебными обстоятельствами, тогда как для ученых выбор способа чтения актуален и бумажные тексты выигрывают в ситуациях «осмысления» читаемого.

Эстетические, тактильные и прочие впечатления студентов от чтения бумажных текстов

Рассмотрим далее основания обращения к чтению бумажных текстов, книг, которые были упомянуты студентами, с тем, чтобы уточнить, как в целом воспринимается ими такой способ чтения. В то время как чтение с экрана

реализуется студентами фактически ежедневно в учебном процессе, чтение бумажных текстов как таковое случается сравнительно редко и сопряжено в студенческом восприятии с какими-либо особенными, не рутинными случаями. Обращение студента к бумажным текстам и книгам, как представляется, имеет не инструментальную направленность, а эмоциональное значение — в частности, сюда попадают случаи чтения, ориентированные на взаимодействие: книга как подарок или даже книга как место символической «встречи» студентов-читателей разных лет обучения.

*«В основном онлайн, конечно. То есть даже я иногда **радуюсь — девушка дарит книгу бумажную**, но все равно все-таки удобнее читать мне вот лично на телефоне или на компьютере»* (информационные технологии, 4 курс).

*«Если что-то выбираешь читать для себя, то это либо электронный формат, ну, там не знаю, на электронной книге, на ноутбуке каким-то образом... А вот если **в подарок, то, ну, конечно, издание какое-то красивое**»* (экономист, 4 курс, фокус-группа).

*«Все методички исписаны у историков, вот это **невероятное чувство, когда ты понимаешь, что это было в чьих-то других руках**, когда ты видишь отношение к этому человеку, это **восхитительно**»* (историк, 3 курс, фокус-группа).

Для сегодняшнего студента-читателя характерен «чувственный» ориентир при обращении к бумажным текстам — *эстетический (красота) и кинестетический (ощущение)*, описание чтения бумажного источника построено в терминах ощущений — в основном речь идет о тактильных удовольствиях, впечатлениях от прикосновения к бумаге и книге. Употребление словоформы «приятное» в отношении бумажных книг часто встречается в репликах студентов разных образовательных ступеней.

*«По органической химии... нам нужно в один момент посмотреть том первый, потом том третий, потом том второй, это вот такая вот стопочка, это неудобно, **поэтому электронный носитель да, здесь он выигрывает. А если ты просто в общежитии, то, конечно, я беру бумажные вариант, потому что они приятнее**»* (биолог, 2 курс).

*«Мне просто всегда приятней **держать книгу в руках и читать физический источник**, чем электронный, но вот да, в силу специфики методических пособий, которые очень сложно взять в библиотеке, потому что напечатано штук пять на сто человек... **поэтому приходится читать PDF-ку**, ну, и в силу специальности, что тебе нужен специализированный сайт и так называемые форумы... то есть в основном получается электронная версия, да»* (информационные технологии, 4 курс, фокус-группа).

*«Стараюсь читать на бумаге. Есть у меня электронная книга хорошая, живет уже очень долго, но **мне некомфортно с нее читать**. Если я читаю, то это все равно не то»* (историк, магистратура).

Вопреки обозначенным тенденциям, чтение бумажных текстов читателями-студентами порой обосновывают не только тактильными побуждениями, но также и рационально — меньше вреда для здоровья и лучшего восприятия с бумаги. Возможно, подобные рационализации укрепляют и поддерживают тактильные пристрастия.

*«Больше стараюсь пользоваться печатной литературой. Потому что вот это ощущение книги в руках, бумаги, это как-то **лучше понимаешь и воспринимаешь с бумажной литературы**»* (историк, 3 курс, фокус-группа).

*«От электронных устройств очень сильно садится зрение и устают глаза, поэтому, ввиду этого, **приходится ходить и брать книги**»* (юрист, 3 курс, фокус-группа).

Повод к размышлению предоставляет упоминание об удобстве чтения бумажных или электронных текстов, поскольку мнения заметно отличаются для читателей-студентов разных специальностей: показательно, что студенты-филологи удобными считают бумажные тексты, студенты факультета информационных технологий к удобным относят исключительно электронные. Мы можем сделать вывод, что представления об удобстве и вреде для здоровья относительноны и привязаны к привычному способу чтения (студенты факультета информационных технологий в силу специфики своего обучения фактически не встречаются с бумажными текстами, студенты-филологи имеют дело с художественной литературой, которая традиционно читается «в бумаге»). Соображения удобства обнаруживают свою подвижность и связь с привычкой.

*«Ну, либо с планшета, либо с печатных книг. Ну, конечно, печатные книги я предпочитаю больше — **это удобнее** и нравится мне больше, и обычно я их просто беру в библиотеке... поскольку, во-первых, это **как-то тактильно приятно**, во-вторых, это легче читать благодаря тому, что **не так напрягаешь глаза**, и еще немаловажный фактор, что книга никогда не разряжается, ее можно в любом прочесть... и в маршрутке. Это удобно и, не знаю, все равно как-то текст не так скачет, ну и можно там пометочки какие-то аккуратненько сделать»* (филолог, 4 курс).

*«Да, телефон. Экран. И я, просто там есть режимы разные же цветные, я обычно включаю серый, т.е. белый текст на сером, и в этом режиме как бы не сильно светит в глаза, ну, и минимальная яркость... **я верю, что это меньше света в глаза**, чем если включить свет и читать бумажную книгу»* (программист, 4 курс).

Суммируя мнения студентов об отношении к бумажным текстам, укажем сравнительную редкость этих обращений на фоне явного преобладания в опыте экранного чтения, однако маркируем наиболее устойчивое впечатление студентов от бумажного формата — он приятнее тактильно и эстетически, а также может восприниматься как более удобный, менее вредный для здоровья и т.п.

Значение бумажных носителей для научных работников. Сакрализация Книги

Что касается представлений о чтении бумажных текстов у научных работников, заметно их отличие от студентов: для них речь идет не столько о тактильном удовольствии, сколько о значимости книги как феномена, не так важны ощущения от контакта с материалом, из которого сделана книга, как видение самой идеи Книги. Мы вновь обнаруживаем, что книги как бумажные носители в их классической форме кодекса предназначены, на взгляд академически подкованных читателей, для более глубокого чтения, осмысления, запоминания.

*«Еще когда мне хочется посмотреть на какую-то **проблему в широком свете, более глобально, более стратегически, то и бумажная литература, я крайне люблю, приветствую**» (физик, после аспирантуры).*

Рискнем обозначить отношение к чтению бумажных текстов в качестве реализации определенной ценности: вероятно, Книга воплощает само Знание. Отношение к бумажной книге имеет оттенок сакральности для читателей-ученых⁷, что также отмечают российские антропологи — исследователи практик чтения. Они уточняют, что книги, представленные в виде экранного текста, не имеют подобного символического значения, их доступность, что примечательно, лишает их ценностно окрашенной редкости (Алексеевский, 2014: 60–62). Подобное отношение к книге распространено в группе образованных и урбанизированных россиян, которые являются трансляторами книжной и читательской культуры, согласно исследованиям Б. Дубина и А. Зоркой. Авторы также привлекают внимание к наличию домашних библиотек как свидетельству причастности к книжной культуре и связывают его наличие с установками на высшее образование (Дубин, Зоркая, 2008: 61–62).

В нашем исследовании также проявилась тема домашней библиотеки, которая в целом сигнализирует о символическом отношении к бумажным

⁷ Стоит сделать оговорку, что подобная сакрализация характерна не для всех научных работников. Стойко предпочитающие электронные источники, что примечательно, солидаризируются со студентами: *«И студентам, и нам тоже удобен поиск, там не всю прочитывать, а некий поиск осуществить по электронному документу. Даже если в книге прочитал определенную главу, это ее в книжке нужно снова ее найти, если нет закладки, а тут все набираешь, и вот оно, за что ты там зацепился в таком большом материале, сразу видно»* (экономист, кандидат наук).

книгам, когда стремление читать печатные тексты сочетается со стремлением их иметь в собственности. Многие ученые и особенно те, кто занимается преподаванием, не без гордости говорили о присутствии фундаментальных, классических работ по своей специальности в домашней библиотеке. Существенно, что практики чтения «бумаги» в таком случае организованы как регулярное обращение и перечитывание уже известных текстов — для актуализации в памяти знаний и очередного переосмысления.

*«Если мы говорим про **крупную публикацию, я стараюсь покупать бумажный носитель**» (историк, кандидат наук).*

Интервьюер: Какие такие книги вызывают желание... то есть это какие-то особые книги, Вы их покупаете в бумажном виде?

*Респондент: Наверное, да, **которые я знаю, что перепрочитаю, еще раз перепрочту** (экономист, кандидат наук).*

Отметим, что некоторые студенты старших курсов также ориентированы на покупку книг и создание библиотеки — что может быть причислено к тем составляющим практик чтения, которые формируются и закрепляются по мере прохождения образовательных ступеней.

*«**Всю литературу я стараюсь иметь в бумажной книге. Стараюсь покупать** или, если нет возможности, где-то брать в библиотеке или где-то еще» (историк, магистратура).*

*«Считаю, что **некоторая настольная библиотека у человека должна быть из книжек**, так скажем, для него, которые он считает самыми **важными, удобными**» (математик, 4 курс, фокус-группа).*

При прохождении ступеней обучения и становлении в профессии личная библиотека «перечитываемых» книг становится востребована. Личная библиотека бумажных книг может быть рассмотрена и как компонент идентичности ученого, в том числе идентификации с теми авторами и текстами, которые, вероятно, формируют основы мышления и суждения в выбранной ученым области.

*«Знаете, все-таки когда у тебя есть бумажный текст, и ты как-то думаешь о чем-то, ты его так берешь, открываешь, **мысль по-другому идет, она как-то лучше, что ли, усваивается, лучше закрепляется, и контакт с самим автором становится более весомым, так сказать**» (филолог, аспирантура).*

*«**Для преподавания — бумажные учебники**, уже изданные, «**классическая литература**», книжки дома лежат... у меня в библиотеке она есть, **необходимый минимум для физика... для написания**»*

диссертации — электронный носитель — **базы статей** *elibrary*, сайты журналов» (физик, кандидат наук).

Символическое значение чтения бумажных книг и обладания ими в группе ученых сопровождается эмоциональным отношением, приобретенные бумажные книги зачастую отнесены к категории «любимое»⁸. Можно предположить, опираясь на собранные материалы, что максимальный градус пристрастия к бумажным изданиям присущ ученым-гуманитариям, но в целом остается характерным для ученых всех направлений.

«Вообще “Экономикс” и по макро-, и по микроэкономике. Там понятно, что формул нет, в основном слова и примеры, но интересно. Моя любимая книга еще с бакалавриата. Я ее даже себе купила, она у меня в бумажном виде есть [смех]» (экономист, кандидат наук).

«Бумажный [текст] должен быть зачитан, мне кажется, без этого филолог не состоится, без глубокого такого, тактильного погружения в текст, то есть книжку хочется помять, погрызть, пописать по ее краям, какие-то заметки сделать, что-то выписать» (филолог, аспирантура).

Таким образом, можно говорить о символической ценности бумажной книги, Книги как идеи и знания, в связи с чем особенное значение для учебного приобретает домашняя библиотека и обладание бумажным текстом с периодическим обращением к нему (перечитыванием, переосмыслением).

В своих интервью научные работники порой позиционировали себя как эксперты по тенденциям в практиках чтения, предложенные ими идеи позволили нам выдвинуть предположение о разбиении практик чтения на две модальности: *быструю и медленную*, и это разбиение имеет основу в разнице способов чтения, экранном и бумажном. Если для быстрого чтения характерна динамичная работа с текстом, чему отвечают возможности электронных текстов, то для медленного — вдумчивое восприятие прочитанного, тщательное осмысление и внутренний диалог с автором, что позволяет сделать бумажный текст. Подобные выводы созвучны взглядам специалистов в области чтения о том, что «экранное чтение пока не заменяет, не подменяет чтения с печатного листа, а дополняет его, особенно, если имеется в виду вдумчивое чтение-размышление» (Сметанникова, Белоколенко, 2008: 6).

⁸ Предпочтение «любимого» в бумажном варианте встречается также в высказываниях студентов, однако, что принципиально, по отношению к художественной, а не научной литературе: *«Если ты любишь, то обязательно, чтобы он у тебя на полке, чтобы ты взял, ты перечитал, а не скачивал где-то там, рылся»* (историк, 3 курс, фокус-группа);

«Что касаемо художественной литературы именно для саморазвития и для чтения самой, а не где-то там в учебе, то я привыкла покупать литературу бумажную, потому что... есть определенные авторы и определенные произведения, которые читают не все, которые мне нравятся, поэтому мне приходится заказывать, либо тут срывается такой собственнический характер, когда ты чувствуешь, что вот это мне нравится, это мое» (социолог, 3 курс, фокус-группа).

Бумажная книга, печатный текст в таком случае оказываются воплощением медленного чтения, и сакрализация «бумаги» в устах ученых часто имеет привкус ностальгии по доцифровым временам.

«Книга больше вдохновляла, и это было связано с тем, что как раз концентрация на ней была сильнее, спокойнее ты ее читал, спокойнее обдумывал это все, сейчас это все на ходу в очень сжатые сроки, и вот это влияние тоже информационных технологий, по сути уже какой-то у меня складывается стереотип чтения, что я не могу позволить себе над одним текстом очень долго сидеть, работать, вот эта культура применения баз данных, она уже как бы тебя заставляет... попала в руки тебе какая-то качественная литература, она тебе горизонты расширяет, в этом польза-то, мышление становится шире и глубже, и т.д. И эту функцию книга, конечно, всегда выполняла, сейчас с изменением этого типа мышления, чтения, когда оно становится таким **очень коротким и т.д., вот это расширение сознания, вдохновение, как-то оно стало теряться в моем случае»** (историк, кандидат наук).

Практики чтения ученых ярко дифференцированы по типичным ситуациям, отличающимся по используемому носителю: чтение с экрана в большей степени связано с написанием публикаций и мониторингом активности коллег по научному цеху, чтение бумажных текстов, когда таковое происходит, оказывается зачастую связанным с преподавательской подготовкой, дающей возможность освежить и обдумать фундаментальные идеи в области интересов ученого. Типу читаемого источника, по всей видимости, может соответствовать как манера реализации практик чтения, так и мотивация к чтению, и именно в случае с книгой как бумажным изданием актуализуются представления о Книге как источнике знания.

Вытеснение или сочетание способов чтения

В изучении бумажного vs. электронного чтения интерес представляют попытки прогнозирования вытеснения или сочетания двух этих форматов чтения, сосуществующих в настоящем. Так, по данным исследований 10-летней давности, представители студенчества, а также молодые специалисты с высшим образованием принадлежали к числу наиболее активных новаторов, прибегающих к чтению научной литературы через интернет (Дубин, Зоркая, 2008: 33). В целом чтение деловой и профессиональной литературы, в отличие от художественной, казалось максимально расположенным к переходу в электронный формат. В нашем исследовании мы обнаруживаем сочетание вариантов, чтение электронных и бумажных источников, пусть и с преобладанием электронных, и это совмещение выглядит как принципиальное — как минимум для преподавателей. Есть основания согласиться с суждением М. Гудовой, считающей, что при сохранении ранее возникших

форм организации практик добавились новые актуальные формы (Гудова, 2011: 102). Аналитики отмечают, что перемены в практиках совершаются постепенно, медленнее всевозможных технических революций (Шартье, 2009), поэтому можно предвидеть дальнейшее сокращение практик чтения бумажных текстов в контексте смены поколений. Как показывает наше исследование, нынешнее студенчество, ограничивающееся в основном кинестетическими мотивами в восприятии книг, вряд ли в полной мере продолжит традиции чтения бумажных текстов, но, вероятно, все-таки сохранит такой способ чтения для особых ситуаций.

Преподаватели во многом ответственны за организацию обучения, в которой представлено чтение в различных формах и способах, что, на взгляд аналитиков чтения, способствует развитию разнообразных способов получения знания и восприятия информации. Процессы, посредством которых читатель, сознательно или бессознательно, наделяет текст неким смыслом, зависят не только от семантики этого текста, но и от материальных форм, в которых он воплощен, распространяется и воспринимается. Следовательно, важно сохранить возможность обращения к текстам в их разных, замещающих друг друга формах (Шартье, 2006: 224). Известны случаи намеренного обращения к бумажной книге, которые стимулирует преподаватель в качестве задания:

«[Бумажные] книги, да, крупный формат, я их заставляю читать, потому что понимаю, насколько сейчас у современного поколения меняется... методология чтения в принципе радикально меняется, то есть они все меньше читают крупных текстов, все больше быстро на носителях, там, на планшете, телефоне, кто-то на ноутбуке, и это все урывками, и кто-то ленится, пытается найти какие-то видеокурсы, если связано с этим текстом, и я вижу, что им прямо тяжело читать большие книги от корки до корки» (историк, кандидат наук).

В то же время чтение электронных текстов — крайне современный и востребованный вариант реализации практик чтения, и он может пониматься как нуждающийся в развитии в процессе обучения специальным компетенциям, в частности по поиску, идентификации качества и пригодности текстов (Сметанникова, Белоколенко, 2012: 6). В целом в условиях информационного изобилия текстов различных жанров в интернете задача формирования академического стиля письма становится крайне насущной, актуальной для студента как потенциального ученого.

Завершая рассмотрение вопроса о чтении с электронных и бумажных носителей, укажем, что выбор между ними связан с несколькими обстоятельствами. В частности, выбор определен способом работы с текстом: электронный носитель открывает возможности скоростного поиска и «нарезки» цитат, бумажный текст удобен для осмысления прочитанного. Кроме того, имеет значение ситуация: студент в учебном процессе может быть сориентирован на чтение бумажных текстов университетом или преподавателем, однако электронное чтение оставляет за собой приоритет ввиду его

скорости и доступности; преподаватель зачастую создает себе возможность чтения бумажных текстов для подготовки к занятиям, однако при написании собственных работ ученый прибегнет к чтению статей в электронных базах.

В процессе изучения практик чтения нами обнаружено различие в обоснованиях обращения к бумажным текстам в группах студентов и ученых: «ощущенческие и эстетические» побуждения характерны именно для студентов, глубинное прочтение и обладание Книгой отмечается в качестве типичного для ученых. Кроме того, ярко выражен инструментальный словарь описания практик чтения электронных текстов, что созвучно идее «быстрого» чтения, практикуемого учеными в ситуациях написания статей. «Медленное», оно же вдумчивое и сакрально-ориентированное чтение бумажных текстов (Книги) соседствует с «быстрым», то есть оперативным и интерактивным чтением с экрана, причем в группе ученых эта сопредставленность носителей и способов чтения более явно выражена и отрефлексирована, чем у студентов.

Анализ дает основания согласиться с тем, что для учебного и профессионального чтения верно утверждение «не о конкуренции печатного и электронного текстов и исчезновении бумажной книги, а об их взаимодополняемости и сосуществовании» (Маркова, 2013: 8). Согласно полученным материалам, можно утверждать, что преобладание электронных носителей не абсолютно и полное вытеснение электронными текстами бумажных вряд ли произойдет в скором времени.

Литература

- Алексеевский М. Д.* Домашние библиотеки в современной России: практики хранения и систематизации прочитанных книг // Вестник Марийского государственного университета. 2014. Т. 15. № 3. С. 55–63.
- Гудова М. Ю.* Современное чтение как деятельность, культурная практика и социальный институт // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. 2011. № 30 (245). Вып. 22. С. 100–104.
- Дубин Б. В., Зоркая Н. А.* Чтение в России — 2008. Тенденции и проблемы. М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2008.
- Кавалло Г., Шартье Р.* Введение // История чтения в западном мире от Античности до наших дней / Пер. с фр. М. Руновой, Н. Зубкова, Т. Недашковской. М.: ФАИР, 2008. С. 9–52.
- Маклюэн М.* Галактика Гуттенберга: Становление человека печатающего / Пер. с англ. И. О. Тюриной. М.: Академический проект: Фонд «Мир», 2005.
- Маклюэн М.* Понимание медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева. М., Жуковский: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2003.
- Мангель А.* История чтения / Пер. с англ. М. Юнгер. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2020.
- Маркова Т. Б.* Чтение как составная образа жизни: бумажная книга и/или электронный текст // Библиосфера. 2013. № 4. С. 7–15.
- Сметанникова Н. Н., Белоколенко М. В.* Читатели нового поколения и новая культура чтения // Чтение в эпоху постмодерна. Библиотечное дело. 2012. Т. 180. № 18. С. 2–8.
- Шартье Р.* Письменная культура и общество / Пер. с фр. И. Стаф. М.: Новое издательство, 2006.
- Шартье Р.* Читатель в постоянно меняющемся мире // Иностранная литература. 2009. № 7. С. 184–191. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2009/7/chitatel-v-postoyanno-menyayush-hemnya-mire.html> (дата обращения: 10.08.2020).

Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990.

Tarulli L. Pleasure Reading: Exploring a New Definition // Reference & User Services Quarterly. 2014. Vol. 53. № 4. P. 296–299. DOI: <https://doi.org/10.5860/rusq.53n4.296>

Дата поступления: 06.09.2020

Electronic or Printed? Peculiarities of Reading Practices of Students and Researchers

DOI: 10.19181/inter.2020.12.4.5

Irina Chudova

Chudova Irina — Candidate of Sociology, Associate professor, Department of Sociology, Novosibirsk State University, dauza@mail.ru.

This article examines two ways to practice reading of educational and professional literature of students and researchers in terms of electronic and printed forms of reading. The text structures the bases of preferences of reading from the screen and paper texts, reveals the peculiar features of reading practices and their perception in the context of learning and scientific work, specifying the differences for different levels of academic and scientific environment, separately for students and researchers, including postgraduates and teachers. It describes the actual features and instrumental guidelines that are typical for the prevailing screen reading in the present and senses that reading printed texts has for students (aesthetic and kinesthetic motives) and researchers (sacralizing the book, making a home library).

Keywords: educational and professional reading practices; electronic and printed text; working with text; hybridization of practices; sacralizing books; fast and slow reading

References

- Alekseevskij M. D. (2014) Domashnie biblioteki v sovremennoj Rossii: praktiki hraneniya i sistematizacii pročitannykh knig [Home libraries in modern Russia: practices of storage and systematization of books read]. *Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Mari state University]. Vol. 15. No. 3. P. 55–63. (In Russ.)
- Cavallo G., Chartier R. (2008) Vvedenie [Introduction]. *Istoriya chteniya v zapadnom mire ot Antichnosti do nashih dnei* [History of reading in the Western world from Antiquity to the present day] / Transl. by M. Runovaj, N. Zubkov, T. Nedashkovskaya. M.: FAIR. P. 9–52. (In Russ.)
- Chartier R. (2006) *Pis'mennaya kul'tura i obshchestvo* [Written culture and society] / Transl. by I. Staf. M.: Novoe izdatel'stvo. (In Russ.)
- Chartier R. (2009) Chitatel' v postoyanno menyayushchemsya mire [A reader in an ever-changing world]. *Inostrannaya literatura* [Foreign literature]. No. 7. P. 184–191. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2009/7/chitatel-v-postoyanno-menyayushhemsya-mire.html> (accessed 10 August 2020). (In Russ.)
- Dubin B. V., Zorkaya N. A. (2008) *Chtenie v Rossii — 2008. Tendencii i problemy* [Reading in Russia — 2008. Trends and problems]. M.: Mezhhregional'nyj centr bibliotechnogo sotrudnichestva. (In Russ.)
- Giddens A. (1990) *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity Press, 1990.
- Gudova M. Yu. (2011) Sovremennoe chtenie kak deyatel'nost', kul'turnaya praktika i social'nyj institute [Modern reading as an activity, cultural practice, and social institution]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Kul'turologiya* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philosophy. Sociology. Culturology]. No. 30 (245). Iss. 22. P. 100–104. (In Russ.)

Manguel A. (2020) *Istorija chtenija* [A history of reading] / Transl. by M. Junger. SPb.: Izd-vo Ivana Limbaha. (In Russ.)

Markova T. B. (2013) Chtenie kak sostavnaya obraza zhizni: bumazhnaya kniga i/ili elektronnyj tekst [Reading as part of a lifestyle: a paper book and/or an electronic text]. *Bibliosfera* [Bibliosphere]. No. 4. P. 7–15. (In Russ.)

McLuhan M. (2005) *Galaktika Guttenberga: Stanovlenie cheloveka pechatajushhego* [The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man] / Transl. by I. O. Tjurina. M.: Akademicheskij proekt: Fond "Mir". (In Russ.)

McLuhan M. (2003) *Ponimanie media: Vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: The Extensions of Man] / Transl. by V. Nikolaeva. M., Zhukovskij: Kanon-Press-C, Kuchkovo pole. (In Russ.)

Smetannikova N. N., Belokolenko M. V. (2012) Chitateli novogo pokoleniya i novaya kul'tura chteniya [Readers of the new generation and the new culture of reading]. *Chtenie v epohu postmoderna. Bibliotечноe delo* [Reading in the postmodern era. Library science]. Vol. 180. No. 18. P. 2–8. (In Russ.)

Tarulli L. (2014) Pleasure Reading: Exploring a New Definition. *Reference & User Services Quarterly*. Vol. 53. No. 4. P. 296–299. DOI: <https://doi.org/10.5860/rusq.53n4.296>

Received: 06.09.2020